

ПИСЬМА И ДНЕВНИКИ

Российский государственный архив
литературы и искусства

письма
1922–1936
годов

*через
лихолетие
эпохи...*

Марина
Цветаева
Борис
Пастернак

Издание подготовили
Е.Б. Коркина и И.Д. Шевеленко

Издательство АСТ • РГАЛИ
Москва

УДК 821.161.1.09

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Ц27

Редакционный совет РГАЛИ: Т.М. Горяева (председатель), Л.М. Бабаева,
Л.Н. Бодрова, Е.В. Бронникова, А.Л. Евстигнеева, Т.Л. Латыпова,
М.А. Рашковская, Н.А. Стрижкова, Е.Ю. Филькина

Дизайн серии Ивана Ковригина

Фото на переплет предоставлено РИА Новости

В оформлении книги использованы фотографии
из личных архивов Л.А. Мнухина, П.Е. Пастернака, РГАЛИ
а также из фондов Shutterstock, которые сделали
Sergey Goryachev, Hung Chung Chih, iryna1

Цветаева, Марина Ивановна

Пастернак, Борис Леонидович

Ц27

Чрез лихолетие эпохи... : письма 1922–1936 годов / Марина
Цветаева, Борис Пастернак; издание подготовлено Е.Б. Коркиной
и И.Д. Шевеленко. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 656 с. –
(Письма и дневники).

ISBN 978-5-17-097267-8

Письма Марины Цветаевой и Бориса Пастернака – это настоящий роман о творчестве и любви двух современников, равных по силе таланта и поэтического голоса. Они познакомились в послереволюционной Москве, но по-настоящему открыли друг друга лишь в 1922 году, когда Цветаева была уже в эмиграции, и письма на протяжении многих лет заменяли им живое общение. Десятки их стихотворений и поэм появились во многом благодаря этому удивительному разговору, который помогал каждому из них преодолевать «лихолетие эпохи».

Собранные вместе, письма напоминают музыкальное произведение, мелодия и тональность которого меняется в зависимости от переживаний его исполнителей. Это песня на два голоса. Услышав ее однажды, уже невозможно забыть, как невозможно вновь и вновь не возвращаться к ней, в мир ее мыслей, эмоций и свидетельств о своем времени.

УДК 821.161.1.09

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-097267-8

© Б.Л. Пастернак (наследники), 2016

© И.Д. Шевеленко, составление, подготовка текста,
предисловие, комментарии, 2016

© Е.Б. Коркина, подготовка текста, комментарии, 2016

© Российский государственный архив литературы и
искусства, 2016

© РИА Новости

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Предисловие

В этой книге в наиболее полном объеме представлена переписка крупнейших русских поэтов XX века — Бориса Пастернака и Марины Цветаевой. В биографиях обоих авторов она была одним из важнейших жизненных событий, а для читателей и исследователей остается ценнейшим источником для понимания творческих и интеллектуальных устремлений обоих. Публикация этой переписки впервые стала возможной сравнительно недавно, в 2004 году¹. Причин тому несколько.

Большая часть писем Пастернака к Цветаевой хранится в фонде Цветаевой в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, Москва). Этот фонд, состоящий из материалов, переданных в архив дочерью Цветаевой А.С.Эфрон, был в значительной своей части закрыт для исследователей до 2000 года. Были недоступны и письма Пастернака; за исключением одного письма, они до 2004 года не публиковались. Еще двенадцать писем Пастернака к Цветаевой находятся у наследников Пастернака. Объясняется это тем, что в августе 1941 года, перед отъездом в эвакуацию, Цветаева передала конверт с письмами к ней Пастернака и Райнера Мария Рильке весны-лета 1926 года на хранение сотруднице Гослитиздата А.П.Рябининой. От нее впоследствии получил эти письма сын Пастернака. Именно этот корпус писем лег в основу тома «тройственной» переписки 1926 года, включавшей Пастернака, Рильке и Цветаеву. Подготовленный К.М.Азадовским, Е.Б.Пастернаком и Е.В.Пастернаком, он первоначально появился в переводах: в 1983 году вышли немецкое и французское издания, в 1985 году появился английский перевод. Лишь в 1987 году «тройственная» переписка была опубликована по-русски в

¹ Марина Цветаева, Борис Пастернак: Души начинают видеть. Письма 1922–1936 годов / Издание подготовили Е.Б.Коркина и И.Д.Шевеленко. М.: Вагриус, 2004.

журнале «Дружба народов» (№ 6–9); наконец, в 1990 году появилось ее первое отдельное издание по-русски¹.

О том, что письма 1926 года — лишь небольшой фрагмент многолетней переписки Пастернака и Цветаевой, было известно давно; однако долгое время казалось, что опубликовать ее именно как переписку едва ли удастся в силу утраченности большинства оригиналов писем Цветаевой. Действительно, сохранилось всего несколько таких оригиналов, и теперь уже кажется маловероятным, что утраченные письма отыщутся. Историю этой пропажи описал сам Пастернак в своем автобиографическом очерке «Люди и положения»:

«В годы войны и моих наездов к семье в эвакуацию одна сотрудница Музея имени Скрябина, большая почитательница Цветаевой и большой мой друг, предложила мне взять на сохранение эти письма вместе с письмами моих родителей и несколькими письмами Горького и Роллана. Все перечисленное она положила в сейф музея, а с письмами Цветаевой не расставалась, не выпуская их из рук и не доверяя прочности стенок нестарого шкафа.

Она жила круглый год за городом и каждый вечер возила эти письма в ручном чемоданчике к себе на ночлег и привозила по утрам в город на службу. Однажды зимой она в крайнем утомлении возвращалась к себе домой, на дачу. На полдороге от станции она в лесу спохватилась, что оставила чемоданчик с письмами в вагоне электрички. Так уехали и пропали письма Цветаевой»².

Есть основания полагать, что частая перевозка писем Цветаевой была связана еще и с тем, что Алексей Крученых просил эти письма у их хранительницы, чтобы делать с них рукописные, а затем машинописные копии. Те несколько оригиналов писем Цветаевой, которые сохранились, как раз и находились, за одним-двумя исключениями, у Крученых на момент пропажи чемоданчика. Что касается копий, то Крученых и его помощники успели сделать их с большого количества цветаевских писем 1922 — начала 1927 годов. Именно эти копии были основными источниками для текстов писем Цветаевой, включенных в издания «тройственной» переписки. Иных источников, за вычетом немногих оригиналов, и не существовало бы, если бы не обычай Цветаевой писать черновики своих писем (не всех, но наиболее важных для нее) в тех же тетрадях, в которых она работала над своими произведениями.

¹ Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева: Письма 1926 года. М.: Книга, 1990.

² Пастернак Б. Полн. собр. соч.: В 11 т. М.: Слово/Slovo, 2003–2005. Т. 3. С. 340–341.

После того, как все материалы архива Цветаевой открылись для исследователей, стало понятно, что количество черновиков писем к Пастернаку в ее рабочих тетрадях достаточно, чтобы восстановить переписку как целое. Впрочем, одна крупная хронологическая лакуна, с весны 1928 по весну 1931 года, практически невозможна¹. Образовалась эта лакуна из-за того, что Цветаева, возвращаясь в 1939 г. из Франции в СССР, не взяла с собой тетради этих лет, в которых работала над поэмой «Перекоп» и «Поэмой о Царской Семье», и они вместе со всем оставшимся в Париже архивом Цветаевой погибли во время войны.

В одном из тетрадных черновиков письма к Пастернаку, как будто предвидя проблему, перед которой встанут однажды ее читатели и исследователи, Цветаева писала: «Письма к тебе (вот и это письмо) я всегда пишу в тетрадь, на лету, как черновик стихов. Только беловик никогда не удастся, два черновика, один тебе, другой мне» (9 апреля 1926 г.). Тетрадные черновики писем не случайно ставятся Цветаевой в один ряд с теми «вторыми черновиками», которые посылаются корреспонденту: в настоящем издании мы сохраняем оба варианта текста, если они известны, — тетрадный и посланный адресату, — и внимательный читатель сможет убедиться во взаимодополнительности этих «двух черновиков».

Не стоит, однако, преуменьшать трудностей и неизбежных потерь, вызванных столь необычным способом реконструкции переписки. Во-первых, значительная часть тетрадных черновиков Цветаевой написана скорописью, с сокращением практически всех слов. Их расшифровка потребовала огромных усилий и не во всех случаях увенчалась полным успехом. Для удобства читателей в настоящем издании конъектуры (ломаные скобки) сохранены в этих расшифровках лишь тогда, когда нет уверенности в однозначности или правильности чтения. Если бы конъектуры были оставлены везде, ломаные скобки оказались бы самым частым знаком на этих страницах. Во-вторых, датировка и встраивание тетрадных черновиков в единый хронологический ряд вместе с другими источниками (оригиналами писем Пастернака и Цветаевой, копиями писем Цветаевой) также оказались нелегкой задачей, и в нескольких случаях

¹ Согласно реестру писем Цветаевой, составленному О.Н.Сетницкой, всего за 1928 г. было 19 писем (сохранились черновики двух из них, фрагменты черновиков еще двух, а также одна открытка), за 1929 г. — 5 писем (сохранилось одно), за 1930 г. — 13 писем (ни одно не сохранилось). Из двух писем за 1931 г., зафиксированных в реестре (он кончается мартом 1931 г.), сохранился черновик одного. (РГАЛИ. Ф. 1334. Оп. 1. Ед. хр. 834. Л. 2.)

Ирина Шевеленко

нет полной уверенности в том, что тетрадные фрагменты помещены нами на их точное хронологическое место.

У нас нет уверенности также, что все обращенные к Пастернаку фрагменты в рабочих тетрадях Цветаевой в действительности вошли в посланные ему письма. Не имея способа проверить это, мы выбрали единственно возможный путь — публикацию всего массива таких тетрадных набросков.

Помимо переписки двух поэтов в настоящий том включены сохранившиеся письма Пастернака к мужу Цветаевой, С.Я.Эфрону, и письма последнего к Пастернаку.

Все письма, составившие этот том, публикуются по доступным первоисточникам, будь то оригиналы, копии или тетрадные наброски. Несколько неточностей в чтении оригиналов, имевшихся в издании 2004 года, исправлены для нового издания. В комментарии внесен ряд дополнений и уточнений, а также обновлен их библиографический аппарат (главным образом, в связи с выходом 11-томного собрания сочинений Пастернака). Подробная информация о принципах подготовки издания содержится в преамбуле к комментариям.

Ирина Шевеленко

*через
лихолетие
эпохи...*

**письма
1922–1936
годов**

Пастернак — Цветаевой

Дорогая Марина Ивановна!

Сейчас я с дрожью в голосе стал читать брату Ваше «Знаю, умру на заре, на которой из двух» — и был, как чужим, перебит волною подкатывавшего к горлу рыдания, наконец прорвавшегося, и когда я перевел свои попытки с этого стихотворенья на «Я расскажу тебе про великий обман», я был так же точно Вами отброшен, и когда я перенес их на «Версты и версты и версты и черствый хлеб» — случилось то же самое.

Вы — не ребенок, дорогой, золотой, несравненный мой поэт, Вы не ребенок и, надеюсь, понимаете, что́ это в наши дни и в нашей обстановке означает, при *обилии* поэтов и поэтесс, не только тех, о которых ведомо лишь профсоюзу, при обилии не имажинистов только, но при *обилии* даже и неопороченных дарований, подобных имени, *осчастливленному Вашим посвященьем*. Простите, простите, простите! Как могло случиться, что плетясь вместе с Вами следом за гробом Татьяны Федоровны, я не знал, с кем рядом иду. Как могло случиться, что слушав и слышав Вас неоднократно, я оплошал и разминулся с Вашей верстовой Суинберниадой (если Вы даже его не знаете, моего кумира, — он дошел до Вас через побочные влиянья, и ему *вольно* в Вас, родная Марина Ивановна, как когда-то Байрону было вольно в Лермонтове, как Якобсену и России вольно в Рильке). Как странно и глупо кроится жизнь! Месяц назад я мог достать Вас со ста шагов, и существовали уже «Версты», и была на свете та книжная лавка в уровень с панелью без порога, куда сдала меня ленивая волна теплого плоившегося асфальта! И мне не стыдно признаться в этой своей приверженности самым скверным порокам обывательства. Книжки не покупаешь потому, что ее можно купить!! Итак простите, простите. Но как простить мне Вам *два* Ваших равно непростительных промаха? Первый. Отчего, идучи

со мною по Плющихе, не сказали мне Вы, слово в слово, следующего. «Б.Л., мне думается, Вы поэт, а следовательно, Вам почти не приходится восхищаться современниками. Может быть у Вас на памяти один такой случай (ранний Маяковский), всё же остальное, даже и Блок и Ахматова и безукоризненно изумительный Асеев, только виды душевного довольства, удовлетворенности, почти что — *нравственные* оценки-признания душевной порядочности, — и только. Я, думается мне, — тоже поэт, Б.Л., — и знаю по себе, как тяжело то, что так резко разнятся эти два разряда. Вот, если Вы хотите пережить такое восхищение, бурное восхищение читателя на миг и почитателя на весь век свой, примите к сведению, Борис Леонидович, а также передайте это и друзьям нашим, Асееву, Ахматовой и тени Блока, что случай восхититься так выдался на днях; и кстати: не говорите мне таким глупым голосом, будто это невесть что такое, о приятии одной книжки Маяковским; Вы, как о бестактности, будете потом об этом жалеть. Если хотите принять душевную соленогромовую ванну — прочтите “Версты”. Это — версты поэзии. Говорят, — их написала я».

Другой Ваш промах в том, что Вы сочли меня недостойным Вашей книжки и, зная прекрасно наперед, к чему бы такое посланье привело, мне своей книжки не послали. Как странно и глупо кроится жизнь. Как странно и глупо и хорошо.

Теперь благодаря нелепости этой я имею счастье и повод желать высказаться до конца, и так как такое желанье — неудовлетворимо, то я ударюсь удовлетворять его на все лады: за письмом, если позволите, последует другое, об этой чистой, абсолютной, исключаяющей всякие взвешиванья и соображенья возможности восторгаться будет говориться и писаться мною с тою радостью, какой обязывает нас такой акт избавленья от мерил справедливости. Вам не следует читать их. Читает их — женщина. Пишет же, плавит и раздувает — первостепенный и редкий поэт, которому, в этом возвышении над женственностью, позавидовала бы и Марселина Деборд-Вальмор. Счастливая! И как я счастлив за Вас!

Я и сам собираюсь за границу. Непременно захочу Вас видеть иначе, нежели всегда хотел, — а хотел и всегда, как хотел бы видеть Ахматову или — (да Вы уже понимаете — два разряда), — захочу, лишь только смогу польстить себя надеждой хоть отдаленно заплатить Вам тем же, чем Вы сегодня меня подарили. Если же Вы согласитесь ответить мне на это письмо по адресу: Berlin W Fasanenstrasse 41, Pension Fasaneneck, Herrn Pr. L. Pasternack — мне — Вы доставите мне большую и мало еще заслуженную радость. И не забудьте сообщить в письме, простили ли Вы меня или нет: просьба моя об этом — нешуточна и увесиста. О, теперь я понимаю Илью Григорьевича! Охотно в поклонении поменяюсь с ним местом. Может быть, пошлю на Ваше имя недавно

вышедшую «Сестру мою жизнь», вероятно без надписи, и Вы окажетесь *единственным* современником, дело которого одушевленное, живее и неожиданнее его самого, ввиду чего белеет только к личностям обращенный титульный лист, в прочих случаях испещряемый до отказа.

А теперь, как проститься с Вами? Целую Вашу руку.

Потрясенный Вами

Б.Пастернак

письмо 2

Берлин, 29 нов. июня 1922 г.

Цветаева — Пастернаку

Дорогой Борис Леонидович!

Пишу Вам среди трезвого белого дня, переборов соблазн ночного часа и первого разбега.

Я дала Вашему письму остыть в себе, погрестись в щелчке двух дней, — что уцелеет?

И вот, из-под щебня:

Первое, что я почувствовала — пробегом взгляда: *спор*. Кто-то спорит, кто-то сердится, кто-то призывает к ответу: кому-то *не заплатила*. — Сердце сжалось от безнадежности, от ненужности. — (Я тогда не прочла еще ни *одного* слова.)

Читаю (всё еще не понимая — кто), и первое, что сквозь незнакомый разгон руки доходит: *отброшен*. (И — мое: несносно: «Ну да, кто-то недоволен, возмущен! О, Господи! Чем я виновата, что он прочел мои стихи!») — Только к концу 2-ой стр<аницы>, при имени Татьяны Федоровны Скрябиной — как удар: Пастернак!

Теперь слушайте:

Когда-то (в 1918 г., весной) мы с Вами сидели рядом за ужином у Цейтлин-нов. Вы сказали: «Я хочу написать большой роман: с любовью, с героиней — как Бальзак». И я подумала: «Как хорошо. Как точно. Как вне самолюбия. — Поэт».

Потом я Вас пригласила: «Буду рада, если» — Вы не пришли, потому что ничего нового в жизни не хочется.

Марина Цветаева. Борис Пастернак

Зимой 1919 г. встреча на Моховой. Вы несли продавать Соловьева (?) — «потому что в доме совсем нет хлеба». — «А сколько у Вас выходит хлеба в день?» — «5 фунтов». — «А у меня 3. — Пишете?» — «Да (или нет, не важно)». — «Прощайте». — «Прощайте».

(Книги. — Хлеб. — Человек.)

Зимой 1920 г., перед отъездом Эренбурга, в Союзе писателей читаю Царь-Деву, со всей робостью: 1) рваных валенок, 2) русской *своей* речи, 3) явно-большой рукописи. Недоуменный вопрос — на круговую: «Господа, фабула ясна?» И одобряющее хоровое: «Совсем нет. Доходят отдельные строчки».

Потом — уже ухожу — Ваш оклик: «М.И.!» — «Ах, Вы здесь? Как я рада!» — «Фабула ясна, дело в том, что Вы даете ее разъединенно, отдельными взрывами, в прерванности...»

И мое молчаливое: Зóрок. — Поэт.

Осень 1921 г. Моя трущоба в Борисоглебском переулке. Вы в дверях. Письмо от И<льи> Г<ригорьевича>. Перебарывая первую жадность, заглушая радость ропотом слов (письмо так и лежит нераспечатанным) — расспросы: — «Как живете. Пишете ли? Чтó — сейчас — Москва?» И Ваше — как глухо! — «Река... Паром... Берега ли ко мне, я ли к берегу... А может быть и берегов нет... А может быть и —»

И я, мысленно: Косноязычие *большого*. — Темнóты.

11-го (по-старому) апреля 1922 г. — Похороны Т.Ф.Скрябиной. Я была с ней в дружбе 2 года подряд, — ее единственным женским другом за жизнь. Дружба суровая: вся на деле и в беседе, мужская, вне нежности земных примет.

И вот провожаю ее большие глаза в землю.

Иду с Коганом, потом еще с каким-то, и вдруг — рука на рукав — как лапа. Вы. — Я об этом тогда писала Эренбургу. Говорили о нем, я просила Вас писать ему, говорила о его безмерной любви к Вам, Вы принимали недоуменно, даже с тяжестью: «Совсем не понимаю за что... Как трудно...» (Мне было больно за И.Г. и этого я ему не писала.) — «Я прочла Ваши стихи про голод...» — «Не говорите. Это позор. Я совсем другого хотел. Но знаете — бывает так: над головой — сонмами, а посмотришь: белая бумага. Проплыло. Не коснулось стола. А это я написал в последнюю минуту: пристают, звонят, номер не выйдет...»

Потом рассказывали об Ахматовой. Я спросила об основной ее земной примете. И Вы, взглядываясь:

— Чистота внимания. Она напоминает мне сестру.

Потом Вы меня хвалили («хотя этого говорить в лицо не нужно») за то, что я эти годы все-таки писала, — ах, главное я и забыла! — «Знаете, кому очень понравилась Ваша книга? — Маяковскому».

Это была *большая* радость: дар всей *чужести*, побежденные пространства (времена?).

Я — правда — просияла внутри.

И гроб: белый, без венков. И — уже вблизи — успокаивающая арка Девичьего монастыря: благодать.

И Вы... «Я не с ними, это ошибка, знаете: отдаете стихи в какие-то сборники...»

Теперь *самое главное*, стоим у могилы. Руки на рукаве уже нет. Чувствую — как всегда в первую секундочку после расставания — плечом, что Вы рядом, отступив на шаг.

Задумываюсь о Т<атьяне> Ф<едоровне>. — Ее последний земной воздух. — И — толчком: чувство *прерванности*, не додумываю, ибо занята Т.Ф. — допроводить ее!

И, когда оглядываюсь, Вас уже нет: *исчезновение*.

Это мое последнее видение Вас. Ровно через месяц — день в день — я уехала. Хотела зайти, чтобы обрадовать Э<ренбург>га живым рассказом о Вас, но чувство, что: чужой дом — наверное, не застану и т.д.

Мне даже стыдно было потом перед Эренбургом за такое слабое рвение во дружбе.

Вот, дорогой Борис Леонидович, моя «история с Вами», — тоже в прерванности.

Стихи Ваши я знаю мало: раз слышала Вас с эстрады, Вы тогда сплошь забывали, книги Вашей не видела.

То, что мне говорил Эренбург — ударяло сразу, захлестывало: дребезгом, щебетом, всем сразу: как Жизнь.

Бег *по кругу*, но круг — с мир (вселенную!). И Вы — в самом начале, и никогда не кончите, ибо смертны.